

ных, деревьев и растений»¹², поэтому указанные конструкции можно отнести к пережиточным реликтам черт активного строя.

Как и в поле предиката, в вертикальном поле субъекта не отмечены черты узкого распространения. Но в отличие от поля предиката поле субъекта включает исследуемую зону в основном в русский (восточный) ареал. Отсутствие диалектных черт узкого распространения отличает поля предиката и субъекта от полей объекта и обстоятельств, в составе которых отмечены диалектные явления, распространенные на крайне небольших территориях.

¹ См.: Прохорова С. М. Синтаксическое поле объекта в говорах Смоленщины // Веснік БДУ імя У. І. Леніна. Серыя IV. 1987. № 1.

² Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985. С. 128.

³ Там же. С. 133.

⁴ Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 179.

⁵ Седов В. В. Смоленская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 243.

⁶ Кузьмина И. Б. О некоторых синтаксических явлениях восточнославянских языков // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1982. М., 1985. С. 24—25, карта 2.

⁷ Там же. С. 25, карта 2.

⁸ Там же. С. 26—27.

⁹ В статье поле предиката, как и поле субъекта, рассмотрено только в составе простого утвердительного предложения так называемого информативного регистра. Не рассматриваются суперпредикаты и предикаты текста.

¹⁰ Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. С. 362, 364.

¹¹ Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. С. 323.

¹² Гамкрелидзе Г. В., Иванов В. В. Активная типология праиндоевропейского языка // Известия АН СССР. 1984. № 1. Серия л-ры и яз. Т. 43. С. 14—15.

М. Н. КЛЫГИНА

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦЫ *ведь* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В БЕЛОРУССКОМ

Изучение семантико-синтаксических функций частицы *ведь* около двух десятилетий привлекает внимание исследователей. Однако, несмотря на наличие довольно значительного количества работ, четкого разграничения функций рассматриваемой частицы в лексикографических трудах по русскому языку пока нет. Кроме того, не изучены соответствия частице *ведь* в белорусском языке. Слову *ведь* в зависимости от выражаемой им семантики и функции в предложении (союз или частица) в белорусском языке могут соответствовать частица или союз *жа* (*ж*), союзы *бо*, *хоць*, *ды*, *дык*, вводные слова или же оно вообще опускается.

В качестве материала для исследования нами взяты переводы с русского языка на белорусский повестей и рассказов А. Куприна, романа Н. Островского «Рожденные бурей»; авторский перевод повестей В. Быкова с белорусского на русский и перевод романа И. Мележа «Люди на болоте»¹.

Исследуемый материал показывает, что частица *ведь* нередко употребляется в простом предложении для усиления экспрессивности высказывания в эмоциональной речи или для подчеркивания основного содержания высказывания: «Господи! Да *ведь* он — сумасшедший», — подумал доктор, у которого по спине забегали мурашки, и он принялся успокаивать Боброва. (А. Куприн. Молох.) «Божачка! Дык *жа* ён вар'ят», — падумаў доктар, у якога ажно халадок прабег па спіне, і ён пачаў супакойваць Баброва. (А. Купрын. Малох.)

В этом значении частица *ведь* легко заменяется частицей *жа* (*ж*) и обычно при переводе с русского на белорусский не опускается; при пере-

воде же с белорусского на русский частица *жа* (*ж*) редко переводится как *ведь* (сохраняется *же* (*ж*)), хотя частица *жа* равнозначна здесь частице *ведь*; очевидно, это объясняется особенностями техники перевода:

- Ой, не ціні так пальцаў! — просіць Ганна.
- Я *ж* не вельмі... (І. Мележ. Людзі на балоце.)
- Ой, не жми так пальцы! — просит Ганна.
- Я *ж* не очень... (ср.: Я *ведь* не очень...) (И. Мележ. Люди на болоте.)

Употребляясь после вопросительных предложений (вопрос как правило риторический), *ведь* не теряет значения эмоциональной частицы. Но вместе с тем она усиливает более тесную логическую связь с предыдущими предложениями. Присоединяемая конструкция с *ведь* содержит обычно пояснение, рассуждение либо комментирует поставленный вопрос. Такие предложения встречаются как в диалогической речи, так и в монологе, и в описательных текстах: Какой у него сын? *Ведь* мальчику сейчас восемнадцать лет. Это уже настоящий мужчина. (Н. Островский. Рожденные бурей.) Які ў яго сын? Хлапчуку *ж* цяпер васемнаццаць год. Гэта ўжо сапраўдны мужчына. (М. Астроўскі. Народжаныя бурай.)

Частица *ведь* в таких предложениях тяготеет к началу и чаще всего сама начинает предложение. Соответствующая ей частица *жа* (*ж*) всегда (в силу своей закрепившейся позиции) располагается после первого знаменательного слова в предложении: И как это я в нее так ловко нацелился? *Ведь*, кажись, добре знаю. В эту самую яму в позапрошлом году лось попал, весною. (А. Куприн. На глухарей.) І як гэта я ў яе гэтак лоўка нацэліў? Здаецца *ж* добра ведаю. У гэтую самую яму пазалетась лось трапіў, увясну. (А. Купрын. На глушцоў.)

Иначе как *же* погибать в совершеннейшей безнадежности относительно своей ненужности на этой земле и в этой войне? *Ведь* он зачем-то родился, жил, столько боролся, страдал, пролил горячую кровь и теперь в муках отдавал жизнь. (В. Быков. Дожить до рассвета.) Інакш як *жа* гінуць у пустой безнадейнасці адносна сваёй патрэбы да гэтай зямлі і ў гэтай вайне? Ён *жа* для чагось нарадзіўся, жыў, столькі змагаўся, цярэў, праліў сваю гарачую кроў і цяпер у пакутах аддаваў жыццё. (В. Быкаў. Дажыць да світання.)

В таких конструкциях слово *ведь* еще не в разряде союзов и занимает промежуточную позицию в процессе перехода из частицы в союз. Значение эмоциональной частицы в нем достаточно сильно, однако она выполняет роль связующей единицы между двумя высказываниями, составляющими единое логическое целое, и, следовательно, ее можно отнести к разряду частиц-союзов (при этом значение частицы преобладает). *Ведь* в таких предложениях в белорусском переводе заменяется частицей *жа* (*ж*). Это объясняется тем, что при изъятии частицы *ведь* меняется эмоционально-экспрессивная окраска всего высказывания, а значит, более точный перевод потребует изменения компонентного состава предложения (1) или изменения синтаксической структуры второй части (2), с чем мы сталкиваемся в следующих случаях:

1.— Значит, ты твердо веришь колдовству?

— Да как же мне не верить? *Ведь* у нас в роду чары. Я и сама многое умею. (А. Куприн. Олеся.)

— Ды як *жа* мне не верыць? Ва ўсім нашым родзе чары. Я і сама багата чаго ўмею. (А. Купрын. Алеся.)

2.— Помнишь, я на тебя карты бросала? *Ведь* все так и вышло, как они сказали тогда. (А. Куприн. Олеся.)

— Памятаеш, я на цябе карты кідала? Як бачыш, усё так і атрымалася, як яны казалі тады. (А. Купрын. Алеся.)

Вместо частицы во втором предложении появляется вводная часть.

Употребляясь как связующая единица в предложениях с присоединительными отношениями, *ведь* максимально приближается к союзу, переходя в союзы-частицы (т. е. осуществляется еще один этап перехода частицы в союз). Функция частицы в таких предложениях ослаблена. Она почти утрачивает свою эмоционально-экспрессивную окраску и при пере-

воде на белорусский язык обычно опускается: «Или, может быть, ей просто не хочется танцевать с таким мешком, как я? — догадался он. — Ну что же, она, пожалуй, и права. *Ведь* для девушек эти пустяки так много значат». (А. Куприн. Молох.) «Або, можа, ёй проста не хочацца танцаваць з такім цяляпнём, як я? — падумаў ён. — Ну, што ж, магчыма, яна і мае рацыю. — Для дзяўчат гэтыя дробязі маюць такое вялікае значэнне». (А. Купрын. Малох.) (Здесь возможно введение причинного союза *бо*: *...бо* для дзяўчат гэтыя дробязі маюць вялікае значэнне.)

Однако, употребляясь в функции присоединительного союза-частицы при указательном местоимении *это* (бел. *гэта*), *ведь* всегда при переводе заменяется белорусским эквивалентом *жа* (*ж*). Это объясняется указательным значением местоимения, усиливающего эмоциональную окраску союза-частицы: — Поверь мне, что ты сама себя обманываешь... *Ведь это* дико, *это* смешно, что ты говоришь. (А. Куприн. Олесья.) — Павер мне, што ты сама сябе ашукваеш... *Гэта ж* дзіка, *гэта* смешна, што ты гаворыш. (А. Купрын. Алесья.)

Выступая в функции союза в причинном значении, *ведь* может в русском переводе соответствовать белорусскому союзу *бо*: Василь тут же рассудил: может немного и надо бы занести, *ведь* что как Грибок обидится за отказ и, чтоб на него немочь, обделит, нарезая землю. (И. Мележ. Люди на болоте.) Василь тут жа разважыў, што, можа, трохі і трэба было б занесці, *бо* што як Грыбок пакрыўдзіцца на адмову і, каб яго немач, абдзеліць, наразаючы зямлю. (І. Мележ. Людзі на балоце.) В таком значении слово *бо* является союзом, и значение частицы здесь не сохраняется.

Значение союза-частицы выполняет слово *ведь*, соединяя части сложного предложения, причем вторая часть в этом случае раскрывает содержание первой части: Черта с два. Подите, объясняйте сами. Главное — что? Главное — *ведь* это все напрасно. Всегда они перед смотром горячку порют. (А. Куприн. Поединок.) Союз-частица в белорусском переводе опускается, место ее занимает подчинительный союз *што*. Это свидетельствует об ослабленном значении усилительной функции слова *ведь* и переводе его в разряд союзов. Ср.: Дзе там. Ідзіце, тлумачце самі. Галоўнае — што? Галоўнае, *што* ўсё гэта марна. Заўсёды яны перад аглядам гарачку поруць. (А. Купрын. Паядынак.)

Союзную функцию выполняет слово *ведь* и в составе сложного союзного сочетания с усилительным значением *что если . . . , то ведь*. Значение частицы здесь очень ослаблено, *ведь* закрепляет за собой союзную функцию; в переводе же на белорусский язык *ведь* опускается: В таком случае я считаю приятным долгом заявить вам, *что если* я и принимаю эту любезность от господина Квашнина, *то ведь* от господина Свеженского я ее могу и не принять. (А. Куприн. Молох.) У такім разе я лічу за прыемны абавязак заявіць вам, *што калі* я прымаю гэтую прыязнасць ад пана Квашніна, *дык* ад пана Свяжэўскага я яе магу і не прыняць. (А. Купрын. Малох.)

При употреблении в сочетании с сочинительными союзами *ведь* по-разному выполняет свою функцию. Наиболее употребительно сочетание *а ведь*, которое по своему значению близко к союзу *хотя*, но благодаря частице *ведь* имеет более экспрессивную окраску по сравнению с ним. В сопоставлении же с белорусским языком большой интерес заслуживает сочетание *но ведь* (бел. *але ж*). Только в этом сочетании частица *жа* (*ж*) абсолютно соответствует частице *ведь*. Сочетание *але ж* всегда переводится *но ведь*, однако следует сказать, что в этом значении частица *жа* не может быть оторвана от союза, иначе она становится эквивалентом русской частицы *же*: Няхай не сёння, не тут, не на гэтай дарозе — можа, у іншым месцы, праз нейкі няпэўны час. *Але ж* павінна яго пакутлівая смерць, як і тысячы іншых, не меней пакутлівых смярцей, прывесці да нейкага выніка ў гэтай вайне. (В. Быкаў. Дажыць да світанья.) Пусть не сегодня, не здесь, не на этой дороге — может, в другом месте, спустя какое-то время, *но ведь* должна же его мучительная смерть, как и тыся-

чи других, не менее мучительных смертей, привести к какому-то результату в этой войне. (В. Быков. Дожить до рассвета.) При переводе с русского на белорусский частица *ведь*, в сочетании *но ведь*, может опускаться, заменяться целыми предложениями с модально-побудительным значением.

Следует отметить, что при сопоставлении русского текста и белорусского перевода нельзя делать окончательные выводы о функции слова *ведь* на основании результатов сопоставления, так как не всегда переводчик, возможно, руководствуясь индивидуальным пониманием смысла высказывания, оправданно изменяет, усложняет синтаксическую структуру предложений, вводит дополнительные компоненты (1) или же опускает белорусский эквивалент слова *ведь* (*жа, ж*), упрощая тем самым характер смысловых отношений между компонентами (2): Ср.: 1. — Да постой . . . да, дурак ты... — уговаривал его унтер-офицер Бобылев. — *Ведь* я кто? Я же твой караульный начальник, стало быть... (А. Куприн. Поединок.) — Ды пастой... ды, дурань ты... — упрошваў яго унцер-афіцэр Бабылёў. — *Ты ведаеш, хто я?* Я ж твой караульны начальнік, а значыць... (А. Купрын. Паядынак.) — Как «что же особенного»? Помилуйте. *Ведь* он в правлении, что захочет, то и делает: его, как оракула, слушают. (А. Куприн. Молох.) — Як гэта «што асабліва важнага»? Даруйце. *Вы ж ведаеце, што ён захаца ў сваім праўленні, то і зробіць:* яго, як аракула, слухаюць. (А. Купрын. Малох.) 2. Впрочем, оно и понятно: немцы успели замаскировать объект. Они *ведь* тоже умеют маскироваться — разные там сетки, зеленые насаждения, снег. (В. Быков. Дожить до рассвета.) Зрэшты, яно і зразумела, мабыць, немцы паспелі замаскіраваць аб'ект. Яны (*ж*) таксама ўмеюць маскіравацца — розныя там сеткі, зялёныя маскі, снег. (В. Быкаў. Дажыць да світання.)

Анализ фактического материала свидетельствует, что основные выводы о функции слова *ведь* следует делать при рассмотрении текстов русского языка, где частица *ведь* представлена во всех значениях. Сопоставление русско-белорусских переводов и авторских белорусско-русских текстов дает возможность, на наш взгляд, подтвердить некоторые положения о союзной функции исследуемой частицы, более четко определить конкретные оттенки функционального значения слова *ведь* и проследить характер не только полярных, омонимичных употреблений «частица» — «союз», но и рассмотреть промежуточные, переходные этапы его функциональной семантики: в роли частицы-союза и союза-частицы.

¹ См.: Куприн А. И. Избранное. Минск, 1974; Купрын А. І. Выбранае. Мінск, 1985; Мележ І. П. Збор твораў: У 10 т. Мінск, 1981; Мележ І. П. Люди на болоте. Минск, 1964; Островский Н. А. Как закалялась сталь. Рожденные бурей. Петрозаводск, 1961; Астроўскі М. А. Народжаныя бурай. Мінск, 1931; Куприн А. И. Повести и рассказы: В 2 т. М., 1985; Быкаў В. У. Збор твораў: У 4 т. Мінск, 1981, т. 2; Быков В. В. Повести. Минск, 1985.

А. А. КОЖИНОВА

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА «СЛОВА НА АНТИПАСХУ» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Основная задача лингвистики текста заключается в определении работы текстообразующего механизма. Частью такого исследования является анализ структуры текста. Под структурой здесь понимается «целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является, только благодаря отношениям с другими элементами»¹.

В статье анализируется одна из основных частей общей структуры текста — лексическая, где взаимосвязанными элементами являются лексемы, составляющие текст. В качестве материала исследования взято одно из произведений древнерусского проповедника Кирилла Туровского